

Облагораживающее чтеніе.

Въ чтеніи человѣчество обладаетъ великимъ средствомъ облагораживать свой духъ, очищать его отъ зла и грязи личной и общественной жизни. Обыденное, низменное, лживое, злое и пошлое — господствуетъ въ жизни, затемняя, загрязняя, загоразивая и заглушая великое, возвышенное и прекрасное, какъ терніи евангельской притчи заглушаютъ доброе зерно. Эту печальную истину земной жизни человѣчество познало съ древнѣйшихъ временъ, и высказывали ее великіе писатели и проповѣдники всѣхъ временъ и народовъ, многократно и многообразно. Им. Кантъ начинаетъ свой трактатъ о „Религіи въ предѣлахъ одного разума“ (1793 г.) слѣдующими словами: „То, что *міръ во злѣ лежитъ*,—это жалоба, которая такъ-же стара, какъ исторія, даже какъ поэзія, еще болѣе старая, и даже, наконецъ, какъ религія—самая старая изъ всѣхъ формъ человѣческаго творчества“. „Мы знаемъ, что мы отъ Бога и что весь міръ лежитъ во злѣ“—говоритъ апостолъ Іоаннъ въ своемъ соборномъ посланіи (V. 19). А въ наше время, вотъ, напримѣръ, что

говорить Дж. Рёскинъ о загрязненіи низменнымъ всего возвышеннаго: „Мѣсто, на которомъ воздвигнуты дивныя созданія архитектуры и скульптуры — флорентійскій Баптистерій и башня Джіотто — современные флорентійцы превратили въ извозчичью биржу и станцію для омнибусовъ. Извозчики со своимъ болѣе или менѣе живописнымъ сѣномъ и конскимъ запахомъ все-же больше гармонируютъ съ этимъ мѣстомъ, чѣмъ обычная публика фешенебельныхъ гуляній со своими сигарами, плевками и вычурными, сладострастными нарядами; но станція омнибусовъ, расположенная передъ самымъ входомъ башни, лишаетъ возможности простоять передъ ней хотя-бы минуту, чтобы разсмотрѣть скульптуру восточной или южной стороны. Сѣверная сторона между тѣмъ обнесена рѣшеткой и обыкновенно завалена хламомъ... Площадь передъ фасадомъ собора Парижской Богоматери была также обращена въ извозчичью биржу, когда я въ 1872 году видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Въ настоящее время, въ пятидесяти шагахъ отъ комнаты, гдѣ я пишу, находится молельня Св. Духа, обращенная въ табачный складъ. Однимъ словомъ, по всей Европѣ скотство Калибана и пьяный разгулъ шатающагося сатира врывается во всѣ когда-то завѣтные тайники, гдѣ цѣлые народы свято хранили чудеса красоты. Мутный потокъ оскверненія заливаетъ и поглощаетъ храмы и монастыри; ничто больше не останаётся священнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не было ничего мірскаго“. („Прогулка по Флоренціи“).

Для освобожденія отъ „мутнаго потока“ ничтожества и пошлости обыденной жизни *Элизе Реклю* рекомендуетъ прибѣгать къ созерцанію природы, и дѣйствительно, это—вѣрное средство: явленія и картины природы всегда служили людямъ могучимъ средствомъ очищенія и возвышенія духа, хотя-бы въ теченіе немногихъ минутъ. „Люди — говоритъ *Элизе Реклю* — подѣ страхомъ полного нравственнаго и умственнаго измельчанія, должны всѣми силами стараться созерцаніемъ великихъ сценъ жизни земли уравнивать пагубное вліяніе той посредственности и пошлости, которыми такъ богата наша общественная жизнь и въ которыхъ узкіе умы усматриваютъ достоинство современной цивилизаціи“.

Ж. М. Гюйо видитъ нравственно-очищающее средство въ наукѣ и искусствѣ. „Высокія истины и умозрительные принципы науки, красоты литературы и искусства — не роскошь, говоритъ онъ,—а необходимость, такъ-какъ они суть единственные средства возвысить умы, морализировать людей безкорыстной любовью къ истинѣ и добру“. („О воспитаніи и морали“). Но изученіе наукъ и искусствъ доступно сравнительно немногимъ. Самымъ же дѣйствительнымъ и легко доступнымъ средствомъ очистить умъ и сердце отъ грязи и пошлости жизни является чтеніе возвышенныхъ произведеній, оставленныхъ чело-вѣчеству его великими представителями—„чтобъ изъ низости душою могъ подняться человѣкъ“. Это средство необходимо для всѣхъ, ибо, какъ говоритъ блаженный *Августинъ* въ письмѣ къ

епископу Павлу Катанскому, — „и малый умъ хорошъ, если онъ руководится небеснымъ, а острый умъ ни къ чему, если онъ не поднимается надъ земнымъ“.

Конечно, и область чтенія не избѣгла общей печальной участи человѣческой дѣятельности. Чистую струю художественной и мудрой литературы постоянно стремится загрязнить широкій потокъ литературы, отражающей въ себѣ всѣ пороки и страсти животнo-человѣческой природы, начиная отъ пошлой посредственности и кончая грязной порнографіей. Но „свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не можетъ объять“: есть все-же мудрыя и прекрасныя книги, чтеніе которыхъ возвышаетъ и облагораживаетъ чело-вѣка. Поэтому, совѣтъ — ежедневно прочитывать какое-нибудь возвышенное стихотвореніе или страницу великаго писателя — есть полезный со-вѣтъ нравственной чистоплотности и гигиены. „Каждый день — говорить Гёте — слѣдуетъ про-слушать хоть одну пѣсенку, посмотреѣть на хо-рошую картину, и, если возможно, прочитатъ хоть какое-нибудь мудрое изреченіе“. Этому со-вѣту онъ самъ слѣдовалъ и, по свидѣтельству Эккермана, весьма часто занимался рассмотре-ніемъ картинъ и рисунковъ Рафаэля и другихъ художниковъ, „дабы быть въ постоянномъ об-щениі съ совершенствомъ и непрерывно упраж-няться въ размышленіи объ идеяхъ великаго че-ловѣка“. А нашъ, недавно покинувшій землю, ве-ликій обличитель зла и лжи человѣческой жизни, Л. Н. Толстой, — посвящалъ послѣдніе годы своей жизни на то, чтобы собирать изреченія вели-

кихъ и мудрыхъ людей въ сборники для ежедневнаго чтенія („Кругъ чтенія“, „Мысли мудрыхъ людей, на каждый день“, „Путь жизни“) и продолжалъ эту, сильно его тяготившую, работу вплоть до послѣдняго своего дня. „Что можетъ быть драгоцѣннѣе,—говорилъ онъ 16 мая 1908 г.— какъ ежедневно входить въ общеніе съ мудрѣйшими людьми міра“.

Нужно читать и перечитывать умныя и возвышенныя книги постоянно, чтобы очищать свой умъ и душу отъ ежедневнаго загрязненія пошлостью и зломъ обыденной жизни, какъ нужно ежедневно умывать лицо и руки, чтобы смыть съ нихъ слой пыли и грязи. „Правду слѣдуетъ повторять постоянно,—говоритъ Гёте,—потому что и заблужденіе постоянно проповѣдуется вокругъ насъ“. („Разговоры Гёте“, собранные Эккерманомъ). Необходимо читать и перечитывать великія и возвышенныя произведенія всемірной литературы для того, чтобы постоянно бороться съ тѣмъ матеріальнымъ и звѣринымъ, что постоянно встрѣчаетъ насъ на каждомъ шагу жизни, что глубоко заложено въ нѣдрахъ нашей собственной природы и отъ чего совершенно освободиться, несмотря на всѣ наши усилія, мы никогда не можемъ. „Большинство изъ насъ—говоритъ Дж. Брайсъ—напрасно помахиваютъ крыльями, усиливаясь полетѣть; если мы иногда и поднимаемся вверхъ, то только потому, что необыкновенно сильный и глубокій взрывъ чувства на минуту сдѣлалъ насъ лучшими, чѣмъ мы есть“. („Вильямъ Гладстонъ“). А такой „глубокій взрывъ чувства“, насъ поднимающаго и облагораживающаго, конечно, чаще

всего вызывается чтеніемъ великаго и возвышеннаго произведенія. Нужно читать и перечитывать такія произведенія, чтобы не дать замереть и совсѣмъ погаснуть тому идеальному огоньку, который горитъ во всякой молодой и неиспорченной душѣ.

Нѣтъ болѣе возвышающаго, болѣе облагораживающаго чтенія, какъ чтеніе о жизни и дѣятельности великихъ и благородныхъ людей, къ какой бы сферѣ эта дѣятельность ни принадлежала, къ сферѣ ли религіи, искусства, науки или общественной дѣятельности. Склоняться съ благоговѣйнымъ умиленіемъ „передъ святыней красоты“, какъ бы она ни воплощалась, въ видѣ ли Венеры Милосской, Сикстинской Мадонны, Симфоніи Бетховена, произведеній великаго поэта, или, наконецъ, въ образѣ нравственно-возвышенной личности—есть долгъ и вмѣстѣ наслажденіе всякаго благороднаго духа.

На эту тему есть краснорѣчивыя страницы въ мудрой и глубокой книгѣ *Т. Карлейля*—„Герои и героическое въ исторіи“. „Почитаніе героя — говоритъ онъ—это есть трансцендентальное удивленіе передъ великимъ человѣкомъ. Я говорю, что великіе люди — удивительные люди до сихъ поръ; я говорю, что въ сущности нѣтъ ничего другого удивительнаго! Въ груди человѣка нѣтъ чувства болѣе благороднаго, чѣмъ это удивленіе передъ тѣмъ, кто выше его. И въ настоящій моментъ, какъ и вообще во всѣ моменты, оно производитъ оживотворяющее вліяніе на жизнь человѣка. Религія, утверждаю я, держится на немъ, не только языческая, но и гораздо болѣе высокія и болѣе истинныя религіи, извѣстныя до сихъ

поръ. Почитаніе героя, удивленіе, исходящее изъ самаго сердца и повергающее человѣка ницъ, горячая безпредѣльная покорность передъ идеально-благороднымъ, богоподобнымъ человѣкомъ, — не таково ли именно зерно самого христіанства?“... „Во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ—говоритъ Карлейль далѣе—героямъ (великимъ людямъ) всегда поклонялись. И такъ будетъ вѣчно. Мы всѣ любимъ великихъ людей: любимъ, почитаемъ ихъ и покорно преклоняемся передъ ними. И можемъ ли мы честно преклоняться передъ чѣмъ-либо другимъ? Развѣ не чувствуетъ всякій правдивый человѣкъ, какъ онъ самъ становится выше, воздавая должное уваженіе тому, что дѣйствительно выше его? Въ сердцѣ человѣка нѣтъ чувства болѣе благороднаго, болѣе благословеннаго, чѣмъ это“. Та же идея была еще раньше высказана Гёте, передъ гениемъ котораго самъ Карлейль преклонялся. „Есть одно чувство, — говоритъ Гёте въ своемъ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“ — безъ котораго всѣ другія добродѣтели бесполезны. Это — *благоговѣніе* (Ehrfurcht) передъ тѣмъ, кто выше и лучше насъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи“.

Пишу этому возвышенному чувству очевидно можетъ дать знакомство съ ученіемъ и жизнедѣятельностью великихъ людей. Это чувство благоговѣнія, испытываемое нами при созерцаніи возвышенности и величія, воплотившихся въ жизни людей, возвышаетъ насъ потому, что этимъ чувствомъ мы сами какъ-бы приобщаемся къ этому величію и начинаемъ сознавать возможность подняться надъ животной и даже дьявольской сто-

роной своей человѣческой природы. Чтеніе и перечитываніе жизнеописаній великихъ и благородныхъ душъ помогаетъ намъ постоянно бороться и хоть отчасти побѣждать то матеріальное и звѣриное, что оплакиваютъ въ себѣ даже великіе люди. (Ап. Павелъ, Кантъ, Гёте, Байронъ, Паскаль, Тэнъ, Карлейль, Достоевскій и многіе другіе). О возвышенныхъ характерахъ можно сказать, какъ прекрасно выразился П. Н. Милюковъ на похоронахъ великаго гражданина земли русской, С. А. Муромцева (7 октября 1910 г.), что такіе люди уходятъ отъ насъ „не въ вѣчность прошлаго, а въ вѣчность будущаго“ или, какъ выразился о немъ-же протоіерей Боголюбскій: „зачатки вѣчности несомнѣнно лежатъ въ полѣ ихъ душъ и просвѣчиваютъ слишкомъ замѣтно въ ихъ безкорыстныхъ трудахъ на общую пользу. Это люди, „пріобрѣтающіе пути въ обители неба“ и намъ указующіе эти пути“. А эти пути узнаемъ мы изъ жизнеописаній великихъ людей. Подняться, хотя-бы на нѣсколько мгновеній, хотя-бы только мыслью и чувствомъ надъ заурядной обыденностью, съ ея ложью, пошлостью и пороками—это уже большая радость, ибо, какъ говорить поэтъ:

„Въ этомъ мірѣ одно есть блаженство—
Сознавать, что ты выше себя“.

(В. Брюсовъ).

„Самымъ ободряющимъ для меня является знаніе того факта, что человѣкъ обладаетъ безспорной способностью возвышать и облагораживать свою жизнь сознательными усиліями“ — говоритъ американскій мыслитель — идеалистъ

Генри-Давидъ Торо (1817—1862). А русскій философъ; Н. Н. Страховъ, пишетъ: „Жизнь есть не только самоудовлетвореніе, но и саморазрушеніе, *само-недовольство*“. („Миръ какъ цѣлое“). „Всегда будь недоволенъ тѣмъ, что ты есть, если хочешь достигнуть того, чтобы быть инымъ, чѣмъ ты есть, потому что на чемъ ты остановишься, на томъ ты и останешься. И если ты скажешь: съ меня довольно — ты погибъ“ (блаж. Августинъ). „Надо научиться самому и научить другихъ быть чело-вѣкомъ въ высокомъ значеніи этого слова“—проповѣдывалъ нашъ великій педагогъ Н. И. Пироговъ. „Одинъ смыслъ жизни — совершенствованіе“ — говоритъ Л. Толстой. Стремленіе къ совершенствованію есть та „искра Божія“, которая вложена въ земной прахъ, а потому

„И рвется все въ божественной отвагѣ
Себя перерости,
Стремится прахъ земной къ небесной влагѣ,
Чтобъ раемъ расцвѣсти“.

И что такое вся *сознательная* жизнь чело-вѣка, какъ не непрерывное и неустанное стремленіе пробиться изъ мрака къ свѣту.. „Человѣкъ спо-собенъ на большее, чѣмъ онъ мнитъ,—говоритъ Д. Ф. Шлейермахеръ—но даже стремясь къ величайшему, онъ достигаетъ лишь части“.

Мощнымъ факторомъ для облагораживанія чело-вѣческаго духа можетъ быть великая книга. „Нѣтъ никакой необходимости, чтобы чело-вѣкъ самъ *открывалъ* ту истину, въ которую онъ затѣмъ вѣритъ, и притомъ какъ бы *искренно* онъ ни вѣрилъ въ нее... Человѣкъ можетъ усвоить и затѣмъ

переработать самымъ искреннимъ образомъ въ свое собственное достояніе то, что онъ получаетъ отъ другого, и чувствуетъ при этомъ безпредѣльную благодарность къ другому... Человѣкъ можетъ любить съ искренней благодарностью и неподдѣльной преданностью сердца героя-учителя, освобождающаго его изъ мрака и возвышающаго ему свѣтъ. Развѣ, дѣйствительно, такой человѣкъ не является истиннымъ героемъ, достойнымъ глубокаго почтенія! Черное чудовище, *ложь*, нашъ единственный врагъ въ этомъ мірѣ, лежитъ поверженный, благодаря его доблести“.

(Карлейль).

Что знакомство съ жизнью и дѣятельностью великихъ людей, благородныхъ героевъ духа, дѣйствуетъ возвышающимъ образомъ на людей— это мнѣніе было много разъ высказано выдающимися писателями. „Я думаю, — говоритъ *Эрн. Ренанъ* — что величайшій успѣхъ въ нашемъ вѣкѣ имѣла бы книга, изображающая людей такими, *какими они должны быть*; уже слишкомъ много описываютъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности. Конечно, слѣдуетъ различать, чему мы можемъ подражать и чѣмъ мы можемъ восхищаться. Въ примѣрахъ для подражанія всегда должно быть что-нибудь житейское, обыкновенное; практическое примѣненіе образовъ должно быть для всѣхъ доступно. Но, чтобы добиться отъ людей исполненія простой обязанности, надо показать имъ примѣры людей, которые дѣлали болѣе того, что были обязаны. Добродѣтель поддерживается героями“.

Подобное же мнѣніе высказалъ и нашъ из-